

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ: АМЕРИКАНСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ВАРИАНТЫ

Э. В. Будаев, А. П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

В статье представлен обзор современных американских и европейских исследований, посвященных различным аспектам изучения концептуальной метафоры в политическом дискурсе. Выделены основные направления научных изысканий в сочетании с отражением многообразия подходов к сложному феномену когнитивной политической метафоры.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их классической книге «*Metaphors We Live by*» [40] (в русском переводе [1]). Авторы детально рассмотрели милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия (entailments) и постулировали, что идеологии формируются на основе метафор. Названное исследование показало, что эксплицитно нейтральная метафора ТРУД — ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств с рыночной и тоталитарной экономикой. В конце прошлого века подобная методология получает широкое признание в мировой науке [6; 14; 12; 13; 29; 38; 1996; 47; 49; 60; 66; 64; 63; 68; 70 и др.]. Вполне закономерно, что отдельные положения теории концептуальной метафоры со временем развивались (ср. теорию первичных и сложных метафор [21], когерентную модель метафоры [67]), постоянно появлялись публикации, отражающие значительное разнообразие подходов и вариантов исследований концептуальной метафоры в политическом дискурсе.

Возможно, наибольший вклад в этот процесс внесла теория блендинга [18; 17; 71; 72]. Эвристики *теории концептуальной интеграции (блендинга)* можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Соединенных Штатах метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [72, 133-134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известно-

го сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Показательно, что полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции. Отметим, что исследователи блендинга анализируют единичные примеры (в основном свежие метафоры) и корпусных исследований политической метафоры в рамках этой теории не проводилось. Очевидно, это связано с большой практической сложностью корпусного описания концептуальных интеграционных сетей (уникальных для каждого конкретного случая) и отсутствием соответствующей методики.

Отдельного внимания заслуживают работы американского ученого Р. Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества. В публикации «*The Discursive Origins of Russian Democratic Politics*» [4] автор излагает *дискурсивную теорию демократизации*, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает

совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом — единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор [3; 5]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991—1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, а на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры (*коричневые*, *белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники*, *противники*, *левые*, *правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

Р. Д. Андерсон [3] проводит важный для своего главного теоретического вывода историко-полито-

логический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать. Поскольку Р. Д. Андерсон отводит метафоре роль фактора, оказывающего большое влияние на общественные процессы, его теория вполне согласуется со взглядами на прагматический потенциал концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хотя исследователь эксплицитно не апеллирует к процедурам обработки знаний.

И все-таки в рассматриваемый период подавляющее большинство исследований метафорики в американской политической лингвистике выполнены в рамках классического варианта **теории концептуальной метафоры**. Значительную часть этих исследований составляют работы, авторы которых выясняют, какие сферы-источники актуализируются при метафорическом осмыслении той или иной понятийной сферы-мишени. Например, в монографии О. Санта Аны [62] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты *The Los Angeles Times*. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами — *metaphoric systems*) на три группы: **окаzionaliальные** (ИММИГРАЦИЯ — ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), **вторичные** (ИММИГРАЦИЯ — ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и **доминантные** (ИММИГРАЦИЯ — ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ — ЖИВОТНЫЕ).

Большая часть публикаций рассматриваемого направления связана с исследованием концептуальных метафор в политическом нарративе. Под политическим нарративом понимается совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события (выборов, референдума и т.п.) [2, 162]. Хотя сами авторы публикаций термин нарратив не

используют, выбранный для классификации исследований критерий вполне применим. Как было доказано в исследовании К. Де Ландсхеер [Landsheer 1991], количество метафор увеличивается в периоды политических кризисов, поэтому вполне закономерно, что политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе» вызвал повышенный интерес среди американских исследователей политической метафоры. Первое исследование было опубликовано Дж. Лакоффом [37] еще до начала военных действий. Проанализировав метафоры, актуализированные администрацией и СМИ США для оправдания второй войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделил базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство — это индивид*. Развертывание метафоры «Ирак — это Саддам Хуссейн» в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности*. Рациональная личность (государство) всегда стремится преумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне*. По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (Ирак — Злодей, Кувейт — Жертва, Злодеяние — изнасилование, Спаситель — США). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали (США).

Подобным образом Дж. Гуднайт [20] анализирует метафоры «Ирак — это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах, связанных с новой войной в Персидском заливе.

С исследованиями метафор в нарративе войны тесно связаны публикации, посвященные метафорическому представлению событий 11 сентября 2001 г. и их последствиям. Так, К. Халверсон [23] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 — янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социокультурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [42].

Многие американские исследования направлены на выявление ингерентных характеристик и типичных прагматических смыслов политических метафор определенной сферы-источника. Так, К. Мэлоун [46] указывает на широкую распространенность спортивной метафоры в американской политической речи и выводит из этого факта два негативных следствия для американской демократии. Во-первых, если политика — это соревнование, рассуждает автор, то избиратели — болельщики. Регулярное использование спортивной метафоры в политической речи формирует у избирателей психологию пассивного наблюдателя, формирует ‘couch-potato electorate’ (домоседливый электорат, букв. «диван-картофель избиратели»), т.е. электорат, предпочитающий «лежать на диване» и наблюдать за происходящим, вместо того, чтобы принимать активное участие в политических выборах. Во-вторых, спортивная метафора акцентирует внимание на тактике и стратегии политического соревнования, лишая избирателей «жизненно важной информации» о сущности политических программ и об интенциях политиков. Автор отмечает, что для избирателей эта информация намного важнее, чем особенности проведения предвыборного соревнования. Когда спортивная игра (выборы) подходит к концу, политики продолжают оказывать реальное влияние на повседневную жизнь американских граждан.

Метафорам со сферой-источником «Женитьба» в американском политическом дискурсе уделена глава в учебнике по политической коммуникации Д. Ф. Хана [22]. С. Хайден [25] рассматривает политическую эффективность метафор с исходной понятийной областью «Семья». Дж. Лакофф [36] анализирует две модели со сферой-источником «Семья» во внутривнутриполитическом американском дискурсе. Согласно *Модели Строгого Отца* дети

рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого — наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя* [36, 5-34].

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша — 221, у А. Гора 241). Также А. Ченки, проанализировав жесты оппонентов во время дебатов, пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне еще более показательны, чем на вербальном (следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев сопоставления жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей).

Проблеме генезиса политической метафоры посвящена публикация Д. Янова [76]. Автор задается вопросом, являются ли метафоры заранее заданной моделью, привлекаемой для осмысления ситуации (model of), или моделью для действия, формирующейся из самой ситуации (model for), и приходит к выводу, что функционирование метафор характеризуется интерактивным взаимодействием обоих процессов.

Особый интерес представляют межкультурные сопоставительные исследования метафор в политическом нарративе. Например, Дж. Лакофф [41] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты The New York Times) апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич — Злодей, албанцы — Жертва, США — Герой) и модели *Государство — это индивид*, а сербы использовали совсем другие метафоры. В сознании сербского народа Косово — исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича — еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [41, 32].

Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [36, 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к концептуальным метафорам в речи политиков. В этой группе исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [9] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х. Д. Перона, А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (Политика — это труд) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных

избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х. Д. Перона к власти. Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [57] исследуют метафоры в дискурсе лидерства и выявляют доминантные метафорические модели в идиолекте британского промышленного «гуру» Дж. Харви-Джонса.

В европейской лингвистике рассматриваемого периода, просматривается две тенденции: уточнение и пересмотр отдельных постулатов теории концептуальной метафоры и синтез методов когнитивной лингвистики и дискурс-анализа.

Первая тенденция отражена в ряде работ А. Мулсоффа [55; 52; 51] который отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Отдельное внимание исследователей привлекает осмысление и уточнение постулатов теории «телесного разума». Й. Цинкен [78; 79], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор в политическом дискурсе важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (intertextual metaphors), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. Например, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [79, 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто метафори-

чески представляли *завоевателями-крестоносцами* [79, 221-223] и т.п. Аналогичную позицию занимает В. Моттьер, указывая на ограниченность исследования политической метафоры в рамках когнитивного подхода без апелляции к историко-культурному и социально-политическому контексту [48].

Подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (inter-domain influences) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (reverse influence) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [7].

Подход к концептуальной метафоре в *Люблинской этнолингвистической школе* проанализирован в работе Й. Цинкена [79]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, квантитативного анализа, широкого культурного контекста. Й. Цинкен демонстрирует эвристики отдельных идей этого подхода на примере исследования корпуса текстов, отражающих метафорическое осмысление комплексных изменений в немецком публичном дискурсе конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века. Исследуя частотность метафорических моделей, автор разделяет их на две группы: основные и образные. К основным относятся модели (сигнификативные дескрипторы) Персонификации, Пространства и Объекта, которые становятся основой для развертывания остальных моделей. Например, метафора войны имплицитно подразумевает наличие поля боя (Пространство), воинов (Персонификация) и оружия (Объект). Остальные модели (сигнификативные дескрипторы) немецкого дискурса, располагаются по мере убывания частотности следующим образом: ДВИЖЕНИЕ (период конца 80-х — начала 90-х годов получил в Германии название *Wende-Periode* — *Поворотный период*), ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА. Далее следуют ОРГАНИЗМ и МИР РАСТЕНИЙ. Замыкают список ФАУНА, ПОГОДА, СПОРТ, МЕХАНИЗМ и др. Исходя из подобных результатов, ис-

следователь пытается установить корреляцию между частотностью моделей и доминантной перспективой (*perspective*) (подходом к описанию ситуации). Модели по убыванию частотности объединяются в кластеры:

ДВИЖЕНИЕ, ВОЙНА, АРХИТЕКТУРА, ДОРОГА — активная перспектива;

ОРГАНИЗМ, МИР РАСТЕНИЙ — естественная перспектива;

ФАУНА, РЕКА, ПОГОДА, ВОДОЕМ, РОДСТВО — перспектива недостаточного контроля [79, 115-127].

Й. Цинкен указывает на необходимость дифференцировать метафорический и мифологический типы осмысления действительности. То, что считается метафорой в современной картине мира, для традиционного, мифологического «типа рациональности» метафорой не является [79, 131—133].

В европейской политической лингвистике синтез методов концептуальных исследований и дискурс-анализа представлен несколькими направлениями. Так, П. Друлак [16] предпринял попытку синтезировать эвристики концептуального исследования с методами *дискурсивного анализа социальных структур* по А. Вендту. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры (в том числе и метафорические) являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000—2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС — метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Во многих публикациях методика концептуального анализа метафор в политическом нарративе дополняется методами *критического дискурс-анализа* и сопровождаются гуманистическим осмыслением анализируемых событий. Так, в январе 1998 года резко увеличилось количество курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление этих событий в австрийских газе-

тах, Е. Рефайе [58] выявляет, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [58, 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [34], называя методологической основой своего исследования критический дискурс-анализ, рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия — единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: СЕМЬЯ (Германия/ЕС — *терпеливый родитель*, Ирландия — *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок*); ШКОЛА (*ученика нужно наказать, Брюссель ставит Ирландии плохие отметки*); ДОМ (*Ирландия хочет разрушить дом*); БОЛЕЗНЬ (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ВОЙНА (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): МЫ

(немцы) — честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ОНИ (ирландцы) — жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

Важное место в европейской политической лингвистике занимает *комбинаторная теория кризисной коммуникации* (ССС-theory) К. де Ландсхеер и ее единомышленников. Исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны [8]. Некогда К. де Ландсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что между частотностью метафор, с одной стороны, и политическими и экономическими кризисами, с другой, существуют корреляции [15]. В очередном исследовании К. де Ландсхеер и Д. Вертессен [75], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политического метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной (tabloid) и серьезной (quality)). Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

Вопросу о влиянии метафоры на процесс принятия решений в голландском политическом дискурсе посвящена интересная публикация М. Д. ван Хулста [30].

Теория *дискурсивного понимания метафоры* (the discursive notion of metaphor) разрабатывается рядом немецких лингвистов (Й. Вальтер, Й. Хелмиг, Р. Хюльссе). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный феномен, сколько

феномен социальный. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности» [31; 32]. Так, Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «междупространство» (in-between-space), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством [31]. Вместе с тем, согласно названной теории, сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль) [77].

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской *теории дискурса Э. Лаклау*. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени (соответственно невозможно говорить и о «чистой буквальности») [35]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» — «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [24]. При более широком рассмотрении этот подход включается в направление *постмарксистской теории дискурса* [28].

По мнению В. Моттьер, адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе *герменевтического подхода* с эвристиками *дискурсивного анализа М. Фуко*, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма [48].

Неудивительно, что на фоне расширения ЕС вопросы межкультурного взаимодействия вышли на первый план и внимание многих европейских лингвистов сосредоточилось на *сопоставительном анализе политических метафор* в национальных европейских дискурсах. Например, Е. Семино [65] исследовала метафорическую репрезен-

тацию евро в итальянской и британской прессе и показала, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы (евро — *здоровый ребенок* и евро — *поезд, сошедший с рельсов*). В работе финского исследователя М. Луома-ахо [45] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990—1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западноевропейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» — *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А. Мусолфф [49] прослеживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА — ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за рядом исследователей [6; 12; 13] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989—1997 гг. — это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997—2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке*) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы — *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолфф [49; 50] сопоставляет метафоры со сферой-источником

ДОРОГА / ДВИЖЕНИЕ / СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело* (*body politic*) в статьях английской и немецкой прессы 1989—2001 гг. посвящена публикация А. Мусолффа [50], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС — это (человеческое) тело» приходятся на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом / Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкеном [79]. Прежде всего, Й. Цинкен разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на *пороге* европейского дома или ее впустили в *прихожую*, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обжиться* в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры

этого фрейма почти не используется, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме, договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме — реалья относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (*Abbildungstereotypen*). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа — Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа — это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа — это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [79, 179—192].

Несколько иной подход Й. Цинкен [79] использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М. Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как

два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В одних случаях поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [79, 192-203].

Сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах представляют большой интерес, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э. Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [59].

Отдельного внимания заслуживают попытки исследователей выявить посредством метафорического анализа базовые ментальные представления, лежащие в основе категоризации политического мира. В рассматриваемый период подобное исследование провел Э. Сандикиоглу, который показал, что американские политические метафоры, актуализированные для осмысления первой войны в Персидском заливе, отражают базовую оппозицию «Мы-Запад» — «Они-Восток» через такие частные оппозиции как цивилизованность — варварство, сила — слабость, зрелость — незрелость, рациональность — эмоциональность, стабильность — нестабильность, сотрудничество — родство, азартная игра — базар [61].

Точкой отсчета для исследования политических метафор может служить сфера-источник метафорической экспансии. Например, морбиальную метафору и ее прагматический потенциал в дискурсе европейской безопасности исследует М. Лу-

ома-ахо [44]. И. Хонохан рассматривает метафоры родства и дружбы в политическом дискурсе солидарности [27]. При более детальном рассмотрении анализу подвергаются отдельные концепты сферы-источника. Так, А. Чаглар [10], исходя из анализа дебатов, посвященных вопросам об иммигрантах в современном Берлине, относит метафору *getto* к базовым метафорам немецкой политической культуры. Метафору *slippery slope* и смежные метафоры в норвежском политическом дискурсе рассматривает Д. Стенфолл [69].

В ряде публикаций А. Мусолффа [49—56] проводится идея о том, что одни и те же метафорические модели реализуются в политическом дискурсе для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов. Конкретная сфера-источник — это точка отсчета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, для отражения оценок и интенций участников коммуникации. А. Мусолфф не отрицает частичную детерминацию осмысления событий структурой сферы-источника, но показывает, что значительное влияние на функционирование политической метафоры оказывают не только языковые и когнитивные факторы, но и экстралингвистическая среда.

При другом подходе за основу берется сфера-магнит метафорической экспансии. Например, в публикациях Й. Цинкена [80; 81] представлена широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (*Wende-Periode* — конец 80-х — начало 90-х гг.) на материале немецкой прессы. Метафорическому представлению второй войны в Персидском заливе посвящена публикация Дж. Андерхилла [73], автор которой выявляет в британской прессе 13 метафорических моделей. Шведские концептуальные метафоры в ситуации политического протеста рассмотрены Ш. Фридольфссон [19].

Точкой отсчета для исследования может служить не концептуальная сфера, а адресант политической коммуникации. В исследовании И. ван дер Валка, которое посвящено сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с анти-фашистской борьбой) должен

спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [74].

Самостоятельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [11], проанализировав риторику британских и американских политиков (У. Черчилля, М. Л. Кинга, М. Тетчер, Б. Клинтона, Т. Блэра, Дж. Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмоциональных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор к переконцептуализации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [26], изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрел интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

Подводя итоги представленного сопоставления, отметим, что существуют достаточные основания для выделения американского и европейского направлений в публикациях, посвященных политической метафоре. Если американские лингвисты проводят исследования в рамках классического варианта теории концептуальной метафоры и ориентированы преимущественно на укорененные в сознании метафоры и ингерентные характеристики сфер-источников, то европейские ученые развивают собственную версию когнитивной политической метафоры и дополняют теорию эвристиками европейских школ дискурс-анализа.

При всем различии подходов к метафоре (с апелляцией к процедурам обработки знаний или без нее, с использованием методов дискурс-анализа или без такового) американских и европей-

ских исследователей объединяет понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности. В последнее десятилетие как в Европе, так и в Северной Америке наблюдается активное развитие теории концептуальной метафоры и ее превращение в ведущее направление когнитивного исследования политического дискурса. Подобные процессы наблюдаются и в России, но отечественная политическая метафорология — это совершенно особое направление, существенно отличающееся как от американских, так и от западноевропейских исследований.

Статья подготовлена при материальной поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
2. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
3. *Anderson R.D., Jr.* The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm — 2002a.
4. *Anderson R.D., Jr.* The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // R. D. Anderson, Jr., M. S. Fish, S. E. Hanson, P.G. Roeder. Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2001 // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm> — 2001.
5. *Anderson R.D., Jr.* Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> — 2002b.
6. *Bachem R., Battke K.* Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen* / Ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. S. 295—307.
7. *Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M.* Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 1—30.
8. *Beer F.A., De Landsheer C.* Metaphors, Politics and World Politics // *Metaphorical World Politics* / Eds. F. A. Beer, C. De Landsheer. — East Lansing: Michigan State University Press, 2004. P. 5—52.
9. *Berhó D. L.* Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. George Fox University. 2000. Vol. 54. № 2. P. 65—76.
10. *Çaglar A.S.* Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2001. Vol. 27. № 4. P. 601 — 613.
11. *Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
12. *Chilton P.A., Ilyin M.V.* Metaphor in Political Discourse: The Case of the “Common European House” // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1. P. 7—31.
13. *Chilton P., Lakoff G.* Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. Aldershot: Dartmouth, 1995. P. 37-59.
14. *Chilton P.* Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. — New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996.
15. *De Landsheer K.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4. P. 299—342.
16. *Drulak P.* Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence: European University Institute, 2004 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf — 2004.
17. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133—187.
18. *Fauconnier G., Turner M.* Conceptual Projection and Middle Spaces // <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> — 1994.
19. *Fridolfsson C.* Political Protest and Metaphor // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/fridolfsson.pdf — 2005.
20. *Goodnight G. T.* “Iraq is George Bush’s Vietnam”. Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc — 2004.
21. *Grady J., Taub S., Morgan S.* Primitive and compound metaphors // *Conceptual structure, discourse and language* / Ed. A. Goldberg. — Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996. P. 177—187.
22. *Hahn D.F.* Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed. — New York: New York University, 2003.
23. *Halverson C. M.* Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // *Journal of Undergraduate Research*. 2003. Vol. 6. P. 1—6.
24. *Hansen A.D.* Politics and metaphor — a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf — 2005.
25. *Hayden S.* Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March // *Quarterly Journal of Speech*. 2003. Vol. 89. № 3. P. 196—215.
26. *Herdstveit D., Bonham G.M.* Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. — Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003.

27. *Honohan I.* Metaphors of Solidarity // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Honohan.pdf — 2005.
28. *Howarth D., Griggs S.* Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom. Draft paper // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf — 2005.
29. *Howe N.* Metaphor in Contemporary American Political Discourse // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2. P. 87—104.
30. *Hulst M. J. van.* The Heart of the Matter: Decision Making Caught in Metaphors // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vanhulst.pdf> — 2005.
31. *Hülse R.* Looking beneath the surface — invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19—22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf — 2000.
32. *Hülse R.* Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktiven europäischer Identität. — Baden-Baden: Nomos, 2003a.
33. *Hülse R.* Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. 2003b. Vol. 10. № 2. S. 211—246.
34. *Kelly-Holmes H., O'Regan V.* "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol. 3 (1). P. 81—116.
35. *Laclau E.* Why do Empty Signifiers Matter to Politics? // *Emancipation(s)* / ed. E. Laclau. London: Verso, 1996. P. 36—46.
36. *Lakoff G.* Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. — White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004.
37. *Lakoff G.* Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 — 2003b.
38. *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Thirty Years of Linguistic Evolution. Studies in the Honour of Rene Dirven* / Ed. M. Putz. — Philadelphia/Amsterdam: Benjamins, 1992. P. 463—481.
39. *Lakoff G.* Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. — Chicago: University of Chicago Press, 1996.
40. *Lakoff G.* Metaphors We Live by. — Chicago: University of Chicago Press, 1980.
41. *Lakoff G.* Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1—40 // www.frameworksinstitute.org/products/metaphorical-thought.pdf — 2001a.
42. *Lakoff G.* Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html — 2001b.
43. *Lakoff G., Johnson M.* The Metaphorical Logic of Rape // *Metaphor and Symbolic Activity*. Vol. 2. 1987. P. 73—79.
44. *Luoma-aho M.* "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11. № 1. P. 106—127.
45. *Luoma-aho M.* Body of Europe and Malignant Nationalism: A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 3. P. 89—116.
46. *Malone C.* The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html.
47. *Milliken J. L.* Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation*. East Lansing: Michigan State University Press, 1996. P. 217—238.
48. *Mottier V.* Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf — 2005.
49. *Musolff A.* Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St. Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English, University of Oxford, 29 March — 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff/crosslang.doc — 2001a.
50. *Musolff A.* The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // *Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process* / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. — Aldershot: Ashgate, 2001b. P. 179—200.
51. *Musolff A.* Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. 2004a. № 7. P. 55—75.
52. *Musolff A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.
53. *Musolff A.* Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // *Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern* / Ed. S. Geideck, W. Liebert. — Berlin: W. de Gruyter, 2003. P. 259—282.
54. *Musolff A.* Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. — Munich: iudicium, 2000a.
55. *Musolff A.* Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2000b. Vol. 21. № 3. P. 216—229.
56. *Musolff A.* Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / Ed. C. Schäffner, A. L. Wenden. — Aldershot: Dartmouth, 1995. P. 93—110.
57. *Oberlechner T., Mayer-Schönberger V.* Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // [www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05d_a6b85256c5b006f0987/\\$FILE/Leadership-1022.doc](http://www.ksgnotes1.harvard.edu/.../9bd08de6da05d_a6b85256c5b006f0987/$FILE/Leadership-1022.doc) — 2002.
58. *Refaie E.* Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3. P. 352—371.

59. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf — 2005.
60. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2. P. 115—137.
61. Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 299—320.
62. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. — Austin, TX: University of Austin Press, 2002.
63. Schäffner C. Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. — Aldershot: Dartmouth Publishers, 1996. P. 31—59.
64. Schäffner C. The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A. L. Wenden (eds). — Aldershot: Dartmouth, 1995. P. 75—92.
65. Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. 2002. Vol. 22. № 1. P. 107—139.
66. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. 1996. Vol. 7. № 2. P. 243—269.
67. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49. P. 147—165.
68. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 4. P. 67—99.
69. Stenvoll D. Metaphors in Sexual Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf
70. Thornborrow J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. № 1. P. 99—119.
71. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 3. P. 183—204.
72. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 133—145.
73. Underhill J.W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 — May 2003 // *Metaphorik.de*. 2003. № 05. P. 135-165.
74. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6—11 April, 2001. P. 1—32 // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> — 2001.
75. Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf — 2005.
76. Yanow D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models of and Models for // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Yanow.pdf — 2005.
77. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. ECPR Granada Workshop on Metaphors in Political Discourse. April 2005 // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf — 2005.
78. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. № 4. P. 507—523.
79. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. — Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.
80. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004a. Vol. 25. № 5/6. P. 1—13.
81. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. 2004b. № 07. P. 115—136.